

Советская Эстония
г. Таллин

4 января 1989 г. № 4 (13 702)

«Город» —
новая
рисованная
лента
Р. Раамата

Мультипликационное кино не призвано исторгать слезы, подавлять трагедийностью, вызывать эмоциональный шок. Как правило, оно чурается сильных чувств и открытых страстей. Ему больше пристало прибегать к юмору, чем к протеску, больше к намеку, чем к пафосу, больше к снисходительному наблюдению, чем к беспощадному разоблачению.

Кинематограф Рейна Раамата, никогда не касаясь двух крайностей — жгучей мелодрамы и мускулистой пустословной лозунговости, — построен, в опровержение, именно на сильных чувствах и открытых страстях. Это кинематограф протеста.

Трагедийный «Ад» Раамата, созданный по мотивам трех графических работ Эдуарда Вийралья, стал классикой. Новая рисованная лента мультипликатора вновь связана с именем прославленного художника — бельгийца Франца Мазере-

ля — и посвящена столетию со дня его рождения.

Но принцип создания картины здесь иной, чем был в «Аде». Там — он во многом шел за образами, композицией, сюжетом графических листов; здесь — отказался от персонажей Мазереля, его литературной повествовательности, строгости его контрастов.

Мир стал иным, по-иному выглядят в нем надлом и гибель, иная степень сложности присуща ему.

И все-таки связь с Мазерелем в ленте очевидна: тут дело даже не в узнаваемых штрихах и деталях, а в эстафете — острой социальной боли — которую один художник через годы передает другому.

«Город» — так назван новый фильм Рейна Раамата. Еще до всех превращений, еще до своего мрачного преображения этот город изначально уныл, тосклив и удручающ. В нем

нет неба — даже как мысленной перспективы, и, может быть, нет даже воздуха. В нем нет и не может быть красок, и не только тех, что создают трава и цветы, но и тех, что отличают лица друг от друга. Живы или мертвы те люди, что видны в проемах окон, — влюбленная пара, многодетная семья, одинокий старик с кошкой? Если живы они, то лишь в том смысле, в каком живы тени, если мертвы, то как предметы, которые никогда и не были оживленными.

Город — нагромождение многоэтажных коробок, но даже он от примирительной тупой привычки может казаться уютным, рождают мечты о небесном счастье у влюбленного и кому-то вручать профессию астронома. И ужас охватывает обитателей города, когда их привычные коробки начинают теснить некие черные геометрические плоскости, некие черные кубы, попирающие прежние стереотипы

и диктующие новые законы бытия. С грохотом перемещаются детали города, сдвигаются стены, люди задыхаются в квартирах-гробах. И тогда огромная толпа выплескивается на улицы, ширится, запруживает собой пространство, из нее вылепливается новая, мощная фигура человека-великана, готового раздвинуть плечами эти страшные черные плоскости.

И тут впервые на экране появляется цвет. Сылется ярко-желтое золото, дома озаряются неоновым блеском реклам, распахиваются двери кабака, и в розовом, лениво-сладострастном полумраке начинают свой вечный танец голые красоти. То, что помогает забыться, не думать, не понимать — во все времена одинаково в своей примитивности и одновременно в своей безусловной действительности, нагло-царственной власти.

Мощная фигура великана вновь рассыпается на сотни крошечных человечков, вершащих то одинокий

бунт, то пьяное, бездумное смирение.

Открывается небо, составленное из дымящихся труб. Мечты влюбленного слагаются из клубов дыма. Астроном различает звездное сияние, исходящее из тех самых черных квадратов, что разрушили привычную жизнь.

Прогресс совершил еще один шаг «вперед». Люди вдохновляются тем, что имеют. Верят в то, во что им предлагается верить. И готовы встретиться с новым смирением новую систему подавления — явись она в черных квадратах или любым другим обличье...

У лент Рейна Раамата никогда не бывает благополучных концовок. Они всегда трагичны. И трагичность не сдобривается ложным оптимизмом. И задуматься они заставляют серьезно.

Е. СКУЛЬСКАЯ.

На снимках: кадры из фильма.